

Чёрный Янгар

Автор:

[Карина Демина](#)

Чёрный Янгар

Карина Демина

Правят Севером Золотые рода. Стоит над ними кёниг Вилхо. Крепок его трон клинком Черного Янгара, о котором говорят, что нет на Севере бойца лучше. И нет невесты краше, чем Пиркко-птичка, любимая дочь строптивного Тридуба. Как было не связать две нити? Велел кёниг свадьбу играть, а если Тридуба не подчинится, то и гнать его из Оленьего города. И склонил голову перед волей владыки Тридуба, согласился отдать дочь за Янгара. Вот только кто знал, что у него две дочери. И одной из них не жаль.

Карина Демина

Чёрный Янгар

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Слово о Черном Янгаре

Кто не слышал о Янгхааре Каапо, прозванном Черным?

О том, что зачат он был в беззаконную слепую ночь, отданную на откуп бельмоглазой Акку, богине запретных дорог и ненаписанных судеб. Темно ее лицо, а губы зашиты суровой нитью.

Раз в год спускается она на землю.

И нет ночи страшнее.

Кто не знает, что матерью Янгара стала хааши-келмо, мертворожденное дитя, оживить которое взялась старая вельхо. Да то ли отвернулись от ведьмы боги, то ли сама она зло на семью затаила, но вышло все иначе, чем надобно. Трижды проносила вельхо младенчика над огнем, трижды совала в ледяную воду, а после приложила губами к губам роженицы, и тогда очнулась келмо, сделала вдох, да и вытянула из матери душу. Умерла роженица.

Хотели дитя за порог вынести, но побоялись гнева богов.

Оставили.

Упреком. Напоминанием.

Сутью безымянной: слово-то поименованного к дарителю имени привязывает, обоих меняя. Оттого и не нашлось человека, который посмел бы назвать хааши-келмо.

Кто не верит, что отцом Янгара был сам Укконен Туули, ветер северный, грозовой, единственный сын Акку? Ехал он на спине слепого волка о шести хвостах да вниз глядел. На левом плече нес Укконен Туули мешок с синими молниями, на правом – гарпун из костей человеческих. И наряд его – наряд

мертвеца: белая рубаха белой же нитью расшита. Поясом из кос девичьих она перевязана. А на шее – ожерелье из зубов глазных звенит.

Страшен Укконен Туули.

Голоден вечно.

Оттого и кричит, и воет, вьюги дыханием рождая. Заглядывает он в окна домов, и горе тому, кто не нанесет на стекло три руны – Иру, Тай и рогатую Навис, которая всякую тьму отвращает.

Забыла хааши-келмо про обычай?

Или родичи выгнали ненужную за дверь, желая избавиться от доуки?

А может, ей, мертворожденной, самой умереть захотелось? Плохо было, душа чужая, заемная, так и не прижилась в теле, вот и выглянула хааши-келмо на зов ветра. По-всякому рассказывали.

Но сходились в одном: улеглась буря, и, пораженный бесстрашием девы, отступил сын Акку. Не ударил гарпуном, не опрокинул навзничь плетью ветра, не сел на грудь, тепло выдавливая. Разлепил Укконен Туули смерзшиеся ресницы, глянул на женщину и замер, красотой сраженный. Хотел заговорить, да не посмел – испугается красавица хриплого голоса.

Прикоснуться пожелал, но побоялся руку протянуть – а ну как заморозит насмерть?

Что делать было?

И раскатал Укконен Туули перед девой ковры снежные.

Рассыпал ледяные алмазы.

И сам ступил на землю, чего не бывало прежде.

Она же, заглянув в черные, предвечной бездной подаренные глаза, потянулась навстречу. Губы коснулись губ. Руки сплелись с руками. Искра же, из печи украденная, согрела обоих.

Живым стало сердце сына Акку. И успокоилась в его нежных ладонях отчаявшаяся душа келмо. Ночь же набросила полог, скрывая от глаз людских то, что видеть было не дозволено. И длилась она долго, куда дольше иных ночей. Но сколь бы ни силен был Укконен Туули, а и его час вышел.

И говорят, что не желал он улетать, да небо звало.

Силился он взять возлюбленную с собой, но не сумел – крепко люди к земле привязаны.

Решил тогда Укконен Туули просить самого Таваалинена Сёппо, Небесного Кузнеца, чтобы сделал он крылья для той, которая украла сердце бессердечного ветра.

– Вернусь, – сказал он, и сама зима была свидетелем этого слова. – Год пролетит, и вернусь.

Улыбнулась женщина, прижала теплую ладонь к ледяной щеке, показывая, что верит и будет ждать. И Укконен Туули в последний раз коснулся темных волос ее, которые вмиг побелели. Она же подарила ему единственное, что имела, – жар своей души.

Отчего не выпало им свидеться вновь?

Одни говорят, что слишком тяжок был ответный дар Укконен Туули, и дитя, этой ночью зачатое, вытянуло, высосало из матери все силы.

Другие – что и сама-то женщина мертворожденною была, а значит, лишена дара жизнь дать.

Но есть и третьи, их история мне нравится больше.

Слабы люди.

Пугливы.

И прежде-то сторонившиеся хааши-келмо, селяне теперь и вовсе заговорили, что одни от нее несчастья. А ну как и вправду вернется Укконен Туули к жене своей названной? Останется? И не будет больше дня, но только ночь беззаконная. Что тогда случится с людьми?

Всех погубит зима. Выморозит.

Шло время.

Рос живот у хааши-келмо.

И все чаще звенели небеса грозами далекими, сверкали белыми молниями, что вылетают из-под небесного молота. Видать, уговорил Укконен Туули Кузнеца. И тот спешил, ковал для человеческой женщины крылья.

Да только не становилось спокойнее людям.

Уйдет она. А что будет после? Не захочет ли вернуться? Отомстить за прошлые обиды? И каждый вдруг вспомнил все зло, которое прежде чинил, зная, что не посмеет безымянная ответить.

Кем она была? И кем стала? И кем еще станет, если позволить?

Не колдовство, но страх менял людей.

Зверели.

Тогда-то и решено было выкопать на лесной поляне глубокую могильную яму, выстлать ее можжевельновыми ветками да суходольником, что дурманит разум. Оставить в яме семью семь кувшинов с водой и семью семь хлебов.

А сверху, как водится, курган насыпать.

И пусть гуляет ветер, зовет возлюбленную, но всем известно – нет ветрам под землю ходу. Не найдет Укконен Туули свою женщину. Решит, что не дождалась, да и вернется на небеса, забудет о неверной.

И светлые боги на людей не прогневаются, что на роженицу руку подняли.

Так и сделали.

Обрядили несчастную в наряд похоронный. Заплели ей семь кос, на семь дорог посмертных. Обвязали ноги свежими оленьими шкурами. И живот поясом змеиным заперли.

Плакала хааши-келмо, умоляла пощадить если не ее, то хотя бы дитя нерожденное. Руки женские к животу тянула, показывала, что шевелится он, но не нашлось жалостливых. Всяк за своих детей боялся.

И встал посреди поляны новый курган, высокий, черный, и сколь ни сеяли на нем траву – не прорастала. А из кургана будто бы голос доносился. Сначала плач, после – крик, да такой, что сбежались на него волки со всей округи и три дня выли, не замолкая.

Копали.

Пытались добраться до той, что звала.

А после раздался плач младенческий. И больше не кричала хааши-келмо, но пела колыбельные, долго пела. Только и у нее иссякли силы. Случилось это перед самой беззаконной ночью.

Вновь упала на землю беспроглядная тьма.

И спустился Укконен Туули. Спешил он, подгонял черного волка, который и без того тенью летел по-над землей. Прижимал сын Акку к груди серебряные крылья, легкие, как звездный свет, и крепкие, будто Северные горы.

Улыбался, грозный, предвидя встречу.

И с нежностью трогал огненную искру, которую носил на груди.

Спешил, но опоздал.

Пустым был дом. И никто не вышел на зов. Напрасно метался по снежным сугробам волк. Звал свою женщину сын Акку, но молчание было ответом. И гнев прорастал в сердце, которое прежде не ведало такой боли. Может, и вправду ушел бы Укконен Туули на небеса, поверив, что предала его возлюбленная, да только услышал он горестный плач. Не человек – волчица сидела у кургана. Выла. И скребла когтями мерзлую землю. Понял тогда Укконен Туули, что произошло.

Ударил он по кургану белой молнией.

Обрушился всей яростью ветра грозового.

Клыками вьюги вцепился. Грыз. Рвал. Терзал нещадно. Сам себя ранил, и черная кровь бездны падала на землю, ее отравляя. Отступила земля, признав за сыном Акку право спуститься. Вернула возлюбленную, да только поздно. Мертва была хааши-келмо. Молчало ее сердце. И губы, сколь ни целовал их Укконен Туули, оставались холодны, не принимали назад подаренную искру.

Упали небесные крылья на снег. Положил на них Укконен Туули жену, сам же лег рядом, уговаривая вернуться с запретного пути. Пусть всего лишь на миг.

Услышав мольбы его, сжалился Пехто, хозяин подземного мира, отпустил ненадолго душу хааши-келмо. Верно, отдал бы и вовсе, но не имел такого права. И боги подчиняются законам.

– Ты вернулся, – сказала хааши-келмо, заглянув в черные, словно первозданная бездна, глаза возлюбленного. – Я знала, что ты вернешься за мной. И ждала.

– Я принес тебе крылья.

Улыбнулась она и покачала головой: уже почти дошла душа, ступила на мост костяной, вдохнула горький туман Черноречки и отдала воде свое отражение. Скоро и вовсе забудет она, кем была. Умоется мертвой холодной водой и,

очистившись от бед и страданий, переродится.

И судьба ей – вернуться на землю в новом обличье.

Знал Укконен Туули, что будет к ней милостив хозяин подземного мира, подарит иную, красивую жизнь. Да и другие боги присмотрят. Есть такие люди, о которых говорят, что сама Лиепе, мать всего сущего, их при рождении поцеловала. Удачливы они. Красивы. Здоровы. И горести, беды обходят их стороной.

– Отпусти, – попросила душа, цепляясь за белые руки ветра.

Поцеловал Укконен Туули возлюбленную с печалью, зная, что уже никогда не встретиться им, а если и выпадет встреча, то не вспомнит душа перерожденная о том, что было с нею прежде.

Не посмотрит на Укконен Туули с былою нежностью.

Не протянет к нему рук.

Не назовет любимым.

– Не печалься, – просила хааши-келмо, коснувшись ледяной ладони. – Я уйду. И я останусь с тобой. У нашего сына твои глаза... Поклянись, что не оставишь его.

– Клянусь.

И, завернув тело возлюбленной в небесные крылья, положил его Укконен Туули в курган. Тогда-то и увидел молодую волчицу, что забралась в яму и легла, согревая младенца собственным теплом. Он же пил ее молоко.

Взял Укконен Туули сына на руки.

– Имя тебе будет Янгхаар, – сказал он, глядя в черные глаза ребенка. – Клинок Ветра.

Падала кровь сына Акку на младенца, но не причиняла вреда, лишь темной становилась кожа. С той поры вмиг зарастают на ней любые раны. И не страшны ей ни холод, ни жар.

Обратил он взгляд на волчицу.

– Оберегай его... я вернусь.

Долго длилась та ночь. Столь велики были гнев и горе сына Акку, что никто из богов не посмел встать на его пути. Выл грозовой ветер, гнал снежные табуны. Спустил Укконен Туули с поводка сцепки диких вьюг. Рассыпал ледяные клинки. Никого не щадил.

Выпил тепло из домов.

Сорвал крыши.

Вывернул стены и двери открыл, впуская бельмоглазую Акку. Лунный серп ее срезал нити жизней, и падали души в бездонную корзину, где томиться им до скончания времен.

Мстила мать за сына.

А он, поняв, что больше не осталось живых, вернулся к кургану.

Что было дальше?

Кто знает...

Быть может, и вправду остался Янгхаар в волчьей стае, которую отныне возглавил черношкурый вожак, зверь огромный и страшный.

Быть может, взял Укконен Туули сына в ледяные чертоги Акку, где и растил, пока человеческая кровь не потянула Янгхаара к земле.

Быть может, подбросил младенца в каменный храм Акку, один из тех, про которые говорят, что их не существует вовсе...

Всякое говорят, в одном лишь сходятся: волчица вскормила Янгхаара Каапо своим молоком. Оттого и поросла его грудь черной густой шерстью. Оттого и способен он понимать, о чем плачутся волки. Оттого и сам нет-нет да перекидывается в зверя...

О да, кто не слышал о Янгхааре, прозванном Черным?

О том, как исчез он, чтобы годы спустя появиться при дворе кёнига Вилхо Кольцедарителя, тенью проскользнув мимо неусыпной стражи. Янгхаар сказал, что плоха эта стража. И смеялся, вытанцовывая под градом стрел, но ни одна не коснулась темной кожи. Он же собрал все стрелы и подбросил к потолку, и ни одна не упала, все вонзились в золоченое дерево. А Янгхаар предложил кёнигу службу.

– Бессчетно врагов у тебя, – сказал он, остановившись у подножия золотого трона, высокого, как гора. И, запрокинув голову, смотрел прямо в глаза Вилхо. – Прими мою клятву и дай мне сотню воинов. Увидишь, вскоре не останется непокорных твоей воле.

– Ты нагл! – Кёниг встал.

Огромен он был. И солнечный свет окутывал Вилхо дивной броней. А голос его заставлял сотрясаться колонны в зале. Но не отступил Янггар, не попятился даже. И лишь когда приблизился кёниг, в знак покорности опустил сын ветра на одно колено.

– Я знаю, о чем говорю.

И кёниг, положив ладонь – а слышала я, что они у него тяжелы и не каждый мужчина способен выдержать вес золотой руки Вилхо, – отвечал:

– Что ж, тогда я приму твою клятву и службу. А потом мы разделим хлеб, потому что таков обычай на этой земле.

– Знаю, – ответил Янгхаар, поднимаясь. – Помню.

И никогда больше он ни перед кем на колени не становился. Что же до Вилхо, то он сам преподнес гостю золотые браслеты и на пиру усадил по правую руку, на турью шкуру, и подал рог с южным сладким вином. Клятву выслушав, дал кёниг власть над сотнями аккаев.

Напомнил лишь:

– Ты обещал, что Север покорится моей воле.

Так и вышло.

С той поры звали Янгхаара не Клинком Ветра, но Мечом Вилхо, праведным и беспощадным. И легли под тем клинком мятежники, не желавшие признавать кёнига. А за ними поклонились Вилхо свободные вайены, сдались злые каамы, и даже бледнокожие золотоволосые туиры, которые хвастались, что не победить их в бою, назвали Вилхо своим кёнигом.

А ему все было мало.

И вновь выходили в море драконоголовые корабли, неслись по долинам всадники с волчьими головами на щитах, гудели рога, требуя одного: смирить гордыню, поклониться Вилхо Кольцедарителю малой данью, избегая большой крови.

Зол Меч Вилхо.

Ненасытен.

Точит его изнутри голод неутолимый, от отца, Укконен Туули, доставшийся, гонит вперед ярость, и черная предвечная бездна клокочет в крови.

Силен он дареной нечеловеческой силой.

Умел.

Свиреп, словно дикая вьюга.

И сердца лишен – побоялся Укконен Туули, что не выдержит оно, человеческое, той боли, которую он сам испытал, не захотел, чтобы страдало единственное дитя, вынул сердце из груди да спрятал.

Потому-то не ведает жалости Янгхаар Каапо.

Карает отступников. Стережет границу. И горе тому, кто посмеет бросить ему вызов.

О да, кто ж на Севере не слышал о Янгхааре Каапо?

Но верно, мало правды было в этих сказках, если мой отец решил его обмануть.

Глава 2

Время Ину

Тот год выдался тяжелым для моего отца. Почтеннейший Ерхо Ину, прозванный Тридуба не то за мощь, не то за редкостное упрямство, по первым дождям вернулся в Лисий лог. А ведь прежде в родовое поместье Ину отец заглядывал нечасто.

Забравшись под крышу конюшни – и высоко, и сухо, и вид открывается чудеснейший, – я жевала хлебную корку и смотрела, как медленно тонет в весенней грязи поезд. Мелкий дождь вымочил стяги и пышные собольи хвосты на копьях – знак древности и силы рода. Понуро брели кони, а нарядные плащи отцовской стражи поблекли, будто выцвели. И сами всадники сгорбились.

Дождь шел седьмой день кряду. Дорогу размыло. И нарядный, расписанный багрянцем и золотом возок засел в ямине. Бурая жижа, ее заполнявшая, верно, до самых дверей поднялась. И засуетились люди, кинулись выталкивать, совать под колеса жердины, еловые лапы. Возничий, привстав на козлах, взялся за хлыст, разрисовывая черные спины битюгов алыми полосами.

И я закусила губу – мне было жаль лошадей.

Управляющего тоже, которого всенепременно выпорют за яму. Но лошадей – больше.

Вот возок качнулся. Я почти услышала, как натужно скрипят колеса, проворачиваясь в глиняном месиве, как всхрапывают, налегая на постромки, кони, как ругаются люди.

И лишь отец мой, почтеннейший Ерхо Ину, молчит, хмурит брови да ременной плетью по перчатке постукивает. Но бледнеют люди, гадая, на кого она обрушится.

Скор был на расправу Тридуба.

Справедлив ли, как говорят? Не знаю.

Безжалостен? Пожалуй.

Мне случалось попадать и под руку, и под розги, и под эту самую плеть, сплетенную из тонких кожаных ремешков. От нее и следы оставались хитрые, витые. А я быстро усвоила, что ни крики, ни мольбы, ни слезы не действуют на отца. Впрочем, следовало признать, что на широкой лавке, что до сих пор стоит в углу конюшни молчаливым напоминанием обо всех прегрешениях сразу, случалось леживать не только мне, но и братьям. И лишь Пиркко-птичка, синеглазая моя сестрица, никогда не знала отцовского гнева. Если и способен был Ерхо Ину на любовь, то к ней, красавице.

Возок наконец выполз из ямы, и трубачи расчехлили турыи рога. Хриплый зов их возвестил о прибытии хозяина, и вскоре во дворе стало тесно.

Обо мне, как водится, вспомнили не сразу.

Я успела умыться и вычесать из волос труху да сено. Косу плела тугую, стараясь, чтобы ни прядки не выбилось. Платье из плотной коричневой ткани, сшитое мне к зимнему празднику, было чистым, пусть и тесноватым уже. Хуже всего, что я вновь выросла, и теперь подол приоткрывал щиколотки.

Отец будет недоволен.

И я в отчаянной попытке исправить неисправимое тянула ткань, пока та не затрещала. Конечно, ничего-то не вытянулось. Расколотое пополам зеркало, отданное мне, потому как выбрасывать его было жалко, показало, что платье натянулось на груди, а на животе складками повисло, и подол его открывал уже не щиколотки, но черные оковы неудобных ботинок. Сделанные из воловьей шкуры, они были жесткими, тяжелыми и никак не изнашивались.

Дрожащими руками – предстоящая встреча не внушала мне ничего, кроме страха, – я застегнула кожаный пояс, поправила кошель и пустые ножны.

Была ли я готова?

Нет.

Но на крик управляющего вышла:

– Аану!

Голос его был полон искреннейшего негодования, ведь мне давным-давно следовало бы спуститься и ждать, устроившись в каком-нибудь укромном уголке, но при этом не настолько укромном, чтобы меня пришлось искать. Раньше я так и делала, пряталась и наблюдала за отцом – с восхищением, с надеждой, с ожиданием, что вот сейчас он заметит меня, улыбнется и скажет:

– Вот и моя Аану! Как же ты выросла! Как похорошела!

Возможно – о чудо из чудес! – обнимет. Или хотя бы прикоснется. Но всякий раз в его взгляде я читала раздражение. Отец не давал себе труда скрывать его, как и свою ко мне нелюбовь.

А сегодня Ерхо Ину был особенно хмур. Я разглядывала его исподтишка, удивляясь тому, что с прошлой нашей встречи Тридуба ничуть не изменился. Высокий, кряжистый, в волохатой медвежьей шубе, он и сам походил на медведя, из тех, огромных, которые во множестве встречаются на Запретных холмах. Темную гриву его волос уже украсили серебряные нити, а выдубленную

солеными ветрами кожу изрезали морщины. Он сам порой виделся мне сделанным не из плоти, но из красного камня – до того тяжелы, грубы были черты его лица.

Приняв кубок, наполненный горячим сбитнем, Ерхо Ину осушил его одним глотком. Отер ладонью бороду, в которой блестели капли воды, крякнул и сказал:

– Совсем страх потеряли, песьи дети...

Стало тихо.

И управляющий сжал мою руку, словно бы это я была виновата в том, что отец прибыл без предупреждения да неурочной порой.

Ерхо Ину скинул шубу – упасть ей не позволили, подхватили заботливые руки, отряхнули от воды, от грязи, унесли. Он же неторопливо прошелся по зале, оставляя на выскобленных добела досках рыжие глиняные следы. И тотчас кинулись заметать, затирать, спеша старанием усмирить отцовский гнев.

Я знала, что будет дальше.

Грузно опустившись в кресло, Ерхо Ину позволит стянуть с себя сапоги и шерстяные чулки, наверняка тоже отсыревшие. Он выставит ноги, положит массивные ступни с заскорузлыми распухшими пальцами на резную скамеечку. С кухни подадут горячую воду, плоску с разогретым барсучьим жиром, настоящим на семнадцать травах, да стопку полотенец. И я, опустившись на колени у отцовских ног, вновь сыграю роль покорной дочери.

Единственную, которую мне дозволено играть.

Я омывала ноги и вытирала влагу, зачерпывала пальцами жир, запах которого привяжется на день или два, втирала его в блестящую, точно лаком покрытую кожу, в трещины и мозоли, сплошь застарелые, оттого и болезненные.

Отец молчал.

И мне не позволялось говорить. И лучше вовсе было не поднимать голову.

Да и что интересного вокруг?

Мои братья. Пятеро.

Ими отец гордится.

Они же, вольно или нет, стараются во всем походить на него. Это не сложно, поскольку кровь Ину сильна. И все пятеро высоки, кряжисты да косматы. Так же хмурят брови. Так же cedят слова. Так же губу нижнюю выпячивают, обнажая красные десны да белые крепкие зубы.

Так же не замечают меня.

Будет кому принять Лисий лог и земли Ину, когда ослабнут отцовские руки. Правда, случится это не скоро. Крепок телом и духом Тридуба, даром что шестой десяток разменял.

– Что она все возится? – раздался нежный голосок. – Я устала. И голодна. Пускай подают!

Пиркко-птичка, сестрица драгоценная – серебряные каблучки, красные сапожки, – отрада отцовского сердца. Когда-то я ревновала. Завидовала. Искала тайком зеркала, пытаюсь понять, чем же она, темноволосая, синеглазая, лучше меня?

Всем.

Ее лицо округло. А узкие глаза сияют. Ее кожа белее первого снега, губы же – алые, будто калина. Тяжелы темные косы Пиркко и год от года тяжелее становятся, не мышинные хвосты – змеи с узорами атласных лент на шкурах. Руки ее мягки, а голос нежен.

Не чает души Ерхо Ину в дочери. И братья спешат угодить.

К ее ногам высыпают драгоценную рухлядь: темных соболей и тяжелых песцов, редчайших чернобурок и мягких полуночных лисиц, чей мех искрится, словно осыпанный звездной пылью. Перед нею раскатывают бархаты и аксамиты, парчу, дымку и шерстяные ткани, окрашенные в пурпур. Ей, пытаясь милость Ину снискать, шлют в дар шкатулки из сандала и черного дерева, наполненные перцем и мускатным орехом, желтым морским камнем, нефритом, бирюзой. И бесчисленно у Пиркко височных колец, чудесных запястий, ожерелий с красными, синими и белыми камнями, брошей, заколок...

Стеклянных кубков.

Зеркал.

И весь Север молчит, затаив дыхание. Пятнадцать зим исполнилось дочери Ину, хороший возраст, невестин. Пусть берег Ину любимую дочь от постороннего жадного глаза, но и его силы не хватило, дабы слухи пресечь. Летит слава о Пиркко, себя обгоняя.

Нет под небом невесты краше.

Богаче.

Знатней.

И ждут Золотые рода, когда же решит Ерхо Ину назвать имя того счастливец, которому дочь отдаст. Вот только не спешит он расставаться с Пиркко.

Бережет.

Вот и сейчас ответил ей нежно, уговаривая потерпеть. И ногой дернул, меня поторапливая. Я поспешно вытерла излишки жира и, обернув стопу полотном, натянула войлочный башмак.

Все...

Встав с колен, я поклонилась отцу, на что он привычно не обратил внимания.

– Аану, останешься служить. – Голос Ерхо Ину настиг меня у самых дверей, заставив вздрогнуть.

– Да, отец.

А столы уже накрывали. Разворачивались кумачовые праздничные скатерти, открывались дубовые сундуки, чтобы отдать драгоценный восточный фарфор, серебро и алое стекло, что ценится превыше серебра и фарфора. Слуги тащили чеканные подносы с холодной дичью, окороками, хлебом утешной выпечки, со всем, что только есть в отцовских подвалах. И верно, сбивалась с ног кухонная челядь, тонула в чаду огромной печи, спеша жарить, парить, варить. Не потерпит Тридуба пустого стола. Оскорбится.

– Иди, – зашипел управляющий, толкнув в спину. – Подай.

Он сунул мне в руки золоченый рог, тяжеленный, но боги меня упаси уронить или хотя бы расплескать. Я несла его осторожно, прижав к груди, вцепившись побелевшими пальцами в такую скользкую металлическую оковку.

Ничего. Донесла.

Подала.

И удостоилась милостивого кивка: отец доволен моей старательностью.

Было время, когда я считала эти его кивки, и за каждым мне виделось нечто большее, чем просто похвала. Он ведь и мой отец тоже... и вдруг да наступит время, когда и для меня найдется место за этим столом.

Не нашлось.

Пустая надежда.

Служить мне уже приходилось. Стоять за левым плечом отца, следить, чтобы кубок его всегда был полон, да подавать с блюд, которые первым делом несли ему, те куски, на которые Ерхо Ину указывал.

Ничего сложного. Я справлялась.

Заодно, прислушиваясь к разговорам, неторопливым, ленивым, получала возможность узнать, что происходит во внешнем мире, далеком и от Лисьего лога, и от меня самой. Но сегодняшней ужин проходил в молчании и не затянулся надолго. Поднявшись, отец бросил:

– Идем!

Куда? И зачем?

Я прикусила язык, запирая ненужные вопросы. Кто я такая, чтобы задавать их?

Ерхо Ину подымался по лестнице медленно, останавливаясь на каждой третьей ступеньке, чтобы перевести дух. В животе его урчало. А массивные ладони то и дело ложились на поясницу. Пальцы впивались в бок, словно желали пробиться сквозь байковый халат с соболиным подбоем, рубаху и даже кожу, дотянуться до некой одной лишь Ерхо ощущаемой занозы. И я впервые подумала, что, возможно, не столь уж силен Тридуба.

Мысль эта была крамольна, и я поспешила спрятать ее.

Ерхо, поднявшись на самый верх лестницы, обернулся. Не то чтобы он сомневался, что я следую за ним, скорее оценивал пройденный путь.

Двадцать две ступени. И узкий коридор, в котором уже ждет слуга с толстой восковой свечой. Он тенью скользит, освещая путь, и останавливается у такой знакомой двери.

Сегодня мне разрешено переступить порог.

Горит камин. И шкура на полу влажновата: никак только-только вынесли на улицу, спешно избавляя от грязи. На столе у камина – кувшин и два кубка, впрочем, я не та гостя, которую будут угощать. Отец ходит по комнате, я слышу, как скрипят половицы под тяжестью его, но разглядываю пол и подол платья и свои руки.

Опять в трещинках, и кожа темная, грубая.

– Сколько тебе лет?

Он останавливается у камина, заслоняя огонь и свет.

– Шестнадцать, отец.

На год больше, чем Пиркко. Но разве будет Ерхо Ину помнить о подобных мелочах?

– Хорошо. – Это он не мне, но собственным мыслям. А мне вдруг становится страшно: моя судьба вот-вот переменится, и... я не желаю перемен.

Я уже свыклась с Лисьим логом, со своим местом в нем, которое останется за мной до скончания времен или хотя бы моей смерти. С жизнью, известной на годы вперед.

Я только избавилась от пустых надежд.

И мечтать перестала.

– Ты выйдешь замуж. – Ерхо Ину говорит это странным тоном, мне кажется, что еще немного, и он рассмеется, хотя я никогда не слышала, чтобы отец смеялся. – Да, ты выйдешь замуж.

Ему не нужен ответ.

И я молчу.

– Этот песий сын заслужил...

Так я стала невестой Янгхаара Каапо, прозванного Черным. Правда, вряд ли он догадывался о моем существовании.

Глава 3

Дела человеческие

Пожалуй, следует рассказать о себе.

Я появилась на свет в середине лета, в день, который уже не принадлежал светлокосой Ламиике, хозяйке молодых трав, но еще и не отошел под крыло мужа ее, могучего Тайпи, чья борода сплетена из соломы да конского волоса.

Я появилась на свет в полдень, когда солнце взобралось так высоко, что стало маленьким, как глаз жаворонка. И лишь отражение его в воде было ярким.

Я появилась на свет не на заднем дворе, где рождались дети невольников, не на конюшне или в овине, но на белой половине дома. Трое суток мучилась моя матушка, прежде чем разрешилась от бремени. Говорили, что она была тонкой и слабой, а может – чересчур молодой, я же, унаследовавшая кровь Ерхо Ину, напротив, оказалась слишком велика для нее. И оттого вскоре после моего рождения матушка ушла. К Пехто ли, что приготовил для нее чашу черного меда, к своим ли богам, оставшимся неизвестными, так ли важно? Я осталась одна.

Отец мой, Ерхо Ину, верно, и вправду высоко ценил рыжеволосую невольницу, если согласился взять меня на руки да трижды обвязать своим поясом, тем самым, любимым, из бычьей шкуры, серебряными бляхами украшенным, что и по сей день при нем. Он вынес меня к камину и, невзирая на недовольство жены, показал огню.

Имя дал сам.

Аану.

Лето.

И бросил жрецу пять монет для хозяйки судеб, выкупая для меня хорошую дорогу и удачу.

Полагаю, что позже не раз и не два пожалел он об этой своей слабости, однако, давши слово, Ерхо Ину умел держать его. И меня не отправили в деревню, как иных его незаконных детей. Напротив, в доме появилась кормилица, полногрудая неторопливая Иррике. Мне кажется, что я помню ее голос и запах, уютное тепло огромного ее тела, ласку рук, их надежность.

Года не прошло, как появилась на свет моя сестрица, и Иррике отдали ей. Она стала не первой из моих потерь, но, пожалуй, самой горькой. Говорят, я плакала три дня... Не помню. Не знаю. Возможно.

И не тогда ли я стала осознавать, сколь разительно отличаюсь от иных детей Ерхо Ину?

Незаконная.

Но признанная.

Живое свидетельство давней слабости великого Тридуба.

И память о том позоре, который пришлось пережить его жене. Мои братья о нем не забыли, что до сестрицы, то подобные вещи ее заботили мало. Пиркко-птичка была не злой, скорее уж равнодушной, предпочитая не замечать того, что хоть как-то нарушало уют ее существования.

Нельзя сказать, чтобы меня как-то особенно унижали, били или же пытались сжить со свету. Ерхо Ину, хоть и не испытывал любви к старшей своей дочери, не позволил бы нарушить слово, богам данное. Нет, мне повезло стать частью рода, пусть везение это в моих собственных глазах и выглядело сомнительным.

К десяти годам я уже прекрасно сознавала, кто я есть. К двенадцати – что меня ждет. Та же тихая жизнь в Лисьем лого. Покорность. Служение. Когда-нибудь – ключи на поясе как знак высшего доверия и власть над слугами.

День за днем. Год за годом.

До самой старости. До самой смерти.

Будут сгорать весны, будут других звать к осенним кострам, над огнем клянясь в любви и верности. Но не найдется смельчака, который рискнет, взяв меня за руку, провести под горящей рябиной. А иного, законного брака, мне и вовсе ждать не следует. Разве даст за мною Ерхо Ину столько золота, жемчуга или лошадей, чтобы муж благородной крови позабыл о моем незаконном рождении?

И не будет мужа.

Не будет детей.

Не будет ничего, помимо трудов во славу рода, для спокойствия моих братьев и драгоценной сестры.

Было время, когда мысли подобные доводили меня до слез, до слепых глаз и прокушенных пальцев, потому как несправедливым казалось все. А потом... потом я успокоилась.

Могло быть и хуже. Во всяком случае, я не буду знать голода и горя.

Побоев.

Нищеты.

Я стану хозяйкой в доме, но буду зваться всего-то ключницей.

Я научусь тому, чего не умеет и никогда не будет уметь сестрица, а жены братьев, пришлые, принятые в род, станут относиться ко мне с уважением.

Нет, я смирилась.

И тут отец говорит о том, что я выйду замуж?!

Он же, махнув рукой, велел:

- Налей.

И я поспешно наполнила кубок вином, подала с поклоном и не отшатнулась, когда твердые пальцы сдавили щеки. Ерхо Ину разглядывал меня пристально, с каким-то новым, жадным вниманием. И я остро осознавала собственную некрасивость.

Да, мне шестнадцать.

Хороший возраст, тот самый, когда сами собой загораются искры, что щедро раздает светлокосая Ламиике девочкам при рождении. Да только мне, видать, не досталось.

Для женщины я была чересчур высока и тоща. Моя кожа от рождения имела неприятный смуглый оттенок. Лицо было узко. И губы – чересчур толсты, а нос, напротив, тонок и длинен. Волосы имели оттенок ржавчины, и лишь глаза мне нравились. Пусть круглые они, рыбки, как говорила сестрица, зато яркого зеленого цвета, не то листовяной камень, не то трава молодая.

И ресницы хоть рыжие, зато длинные, пушистые.

– Что ж не спросишь за кого?

Настроение Ерхо Ину переменялось быстро. Он больше не гневался, но, напротив, пребывал в некоем несвойственном ему прежде благостном расположении духа. И, руку разжав, отпустив меня, он вытер пальцы о халат.

– За кого вы велите, отец.

– Велю.

Замуж... Разве смела я мечтать о подобном?

Свой дом. Своя семья. И крохотный шанс быть счастливой, который я точно не упущу.

– Ты всегда старалась быть послушной дочерью. – Ину осушил кубок одним глотком и вернул мне, взмахом велев наполнить. Руки мои дрожали, и я едва не выронила кувшин, такой вдруг неподъемный, неудобный. Вино вот расплескала,

и отец нахмурился, однако не стал ругать. Он сел и вытянул ноги к огню, снял кисет, расшитый бисером, вытащил старую кленовую трубку, чубук которой был изрядно изгрызен.

- Подойди.

Я приблизилась.

- Сядь. - Отец указал на шкуру.

И я присела, готовая ждать столько, сколько понадобится. И сердце, такое глупое безумное сердце, металось в груди. Неужели ошибалась Аану? И отцу не все равно, что с тобой будет?

Он желает тебе добра.

И любит... возможно, хоть немного, но любит.

Разве это не чудо?

Он же набивал трубку табаком; отец действовал осторожно, бережно, но пальцы его были слишком неуклюжи, и табачный лист крошился. От него исходил терпкий особый запах - табак отцу привозили редкого сорта, крепкий, с синим дымом, что подолгу не выветривался из покоев.

- Что ты слышала о Черном Янгаре? - спросил отец, прикусывая чубук.

И сердце остановилось. Ему не нужен был мой ответ, отец сам дал его.

- Выскочка. Подлец, каких свет не видывал. Наглый песий сын... - Ерхо Ину произносил каждое слово медленно, словно смакуя. И я не смела перебить его вопросом.

Янгар Черный?

Кто же не слышал о Янгхааре Каапо?

– Подай. – Тридуб указал на кубок, забытый мною на столе.

Он заговорил, когда я вернулась на прежнее место.

Этот год для семьи Ину выдался тяжелым.

Нет, не оскудели земли могучего рода, не отвернулась удача от моих братьев. По-прежнему выходили в море драконоголовые боевые корабли и возвращались с добычей, по-прежнему родила золотую пшеницу земля, а леса дарили меха драгоценные. И, груженные доверху, выползали ладьи уже не на войну – на торг, чтобы вернуться с тканями, кожами, стеклом и фарфором. Вина везли и золото.

Пожалуй, в том и беда, что богат был род Ину, могуч, и корни его уходили в прошлое, переплетаясь с корнями иных родов.

Двенадцать их было, проросших из пшеничного семени, что обронила мать всего сущего, когда делила меж людьми золотую удачу. А о тринадцатом вспоминать не принято.

Опасно даже.

Древняя кровь, сродняясь с кровью, объединяла. И, оглянувшись однажды, понял вдруг кёниг Вилхо, что древо рода его – лишь одно из многих. Не самое высокое оно. Не самое раскидистое. И не самое крепкое.

Кто и когда заронил кёнигу мысль об измене? Не о той, близкой, почти совершенной, что ткут безлунными ночами, связывая слово со сталью, ненавистью плотно расшивая, но еще о нерожденной, живущей сугубо в мыслях, за которые, как говорят, не судят.

Да и не посмел бы учинить суд Вилхо.

Тронь одного, и многие восстанут. А против всех не удержаться и Янгхаару.

И тогда иной путь избрал Вилхо.

Позвал он в Олений город старейшин от хитрых каамов, вайенов, туиров и всех, кого еще недавно числил врагами. Встретил их ласково, поднес каждому чашу золотую. Назвал другом. Да одарил белыми плащами, которые только Советники носить могут.

Вот и вышло, что Советников стало втрое больше. И что двое из троих глядят в рот Вилхо, ловят каждое слово, желая одного – не утратить тех крох власти, которые им кинули.

Нет больше Совета. Есть сборище стариков, готовых ноги кёнигу лизать.

Так сказал мой отец и сплюнул на пол да плевков растер.

– Мало ему. – Ерхо Ину качал трубку в колыбели ладони, изредка прикасаясь губами к чубуку. Дым поднимался над его головой, и отец виделся мне грозным, словно сам Пехто.

Тот тоже, говорят, черен и космат. А руки его из меди выкованы, с пальцами длинными, с крючковатыми когтями. Зубы и вовсе железные.

– Вечно ему мало, утроба ненасытная. Боится, выродок...

И я замирала, понимая, что недозволенные слова произносит Тридуба. И верно, сильный гнев испытывает он, если забылся, посмел сказать подобное.

Но дело не в отце, а в том, что решил Вилхо связать древние рода новыми узами.

Дюжину свадеб сыграли в Оленьем городе, поскольку не нашлось никого, кто пожелал бы спорить с кёнигом. И быть может, сам Ерхо Ину смирился бы, когда б речь сыновей коснулась. Но нет, потребовал Вилхо невозможного – отдать Пиркко-птичку.

Отец говорил.

А мое беспокойное воображение рисовало новую сказку. И Ерхо Ину в своей внезапной откровенности, подкрепленной вторым кувшином вина, находил

такие слова, что я будто видела все.

Огромный зал.

И золотую гору трона, на которой восседает кёниг.

Сверху вниз смотрит он на подданных.

Золотой великан?

Отнюдь.

Великана отец уважал бы. А кёниг далеко не стар, но уже толст. И кожу имеет бледную, женскую, с румянцем на щеках. Бороду свою тонким гребнем расчесывает, смазывая маслами драгоценными, отчего пахнет она цветами. Рядится он в шелка и бархаты, золотые цепи на шею вешает.

И, глядя в кубок, вновь мною наполненный, вслух удивлялся Ерхо Ину: как вышло, что этакое ничтожество на троне воссело?

Ответ был известен: крепок трон, пока сильны мечи, на которые он опирается. А нет на Севере бойца лучше, чем Черный Янгар.

Замолчал отец.

И продолжил. Я же закрыла глаза: так легче увидеть то, что за словами стоит.

– Нашли мы для дочери твоей жениха, – таковы были слова кёнига. Все, собравшиеся в тронном зале, слышали их. И отец ответил со всей учтивостью, гнев сдерживая:

– Молода она еще для замужества. Куда спешить?

Огляделся он.

Велик тронный зал. И красная дорожка кровавой полосой его пополам разделила. Вдоль дорожки на циновках Советники сидят, старцы в белых шерстяных халатах, поверх которых собольи шубы наброшены. Кивают они каждому слову кёнига. И кланяются высокие шапки, драгоценными камнями украшенные, едва не касаются друг друга.

За спинами Советников аккаи возвышаются. Не угроза, но напоминание: вот истинная власть.

– Пятнадцать зим исполнилось, верно? – смотрел кёниг на советников, на аккаев, на Янгхаара Каапо, что тенью в тени трона застыл.

Пятнадцать. Сватали с тринадцати.

– Молода. Слаба, – упрямо повторил Тридуба, радуясь, что, привезя дочь в Олений город, все ж не решился ко двору представить.

Ей-то хотелось, птичке-невеличке, да впервые отказал Ерхо Ину дочери. Нехорошо было при дворе в последние годы. Много золота. Мало чести.

А спокойствия нет и вовсе.

– Ничего, за таким мужем окрепнет. Радуйся, Ерхо, сам Янгхаар, прослышав о том, до чего красива у тебя дочь, пожелал взять ее... в жены.

Он нарочно говорил так, чтобы упрямый Тридуба понял: свадьбе быть. А не быть свадьбе, так быть войне. Но Ерхо Ину был не из тех, кого испугать можно.

– Нет, – ответил он, глядя в снулые глаза кёнига. – Для своей дочери я сам мужа подыщу.

Не ожидал Вилхо подобной дерзости. И верно, подумал, что в этой войне никому не победить. Да, силен Янгхаар, и под рукой его многие сотни служат. Скажи слово – и полетят, понесутся по-над полями, обрушатся на мятежного Тридуба. Однако и у него род могучий. Ответит ударом на удар.

А там, глядишь, и многие, кто терпел, стиснув зубы, поднимутся.

Крепки Золотые рода. Свежи недавние их обиды. И не истлела еще память о детях Великого Полоза.

– Чем же наш жених нехорош? – спросил Вилхо, чувствуя, как давит на темя тяжелая корона. Улыбаться себя заставил. – Разве не силен он?

– Силен. Не слышал, чтобы был кто сильнее.

– Разве беден?

– Богат, – согласился Ерхо Ину. И закивали Советники, спеша согласиться. – Говорят, будто бы у него и рабы каждый день мясо едят.

– Разве собой не хорош?

– А тут, – Тридуба развел руками, – не мне судить. Я не девица.

– Так в чем же дело?

– Всем люб твой жених, кёниг. – И Ерхо Ину не желал войны. Кровь прольется? Да, но на пашни Ину. И полягут в землю те, кому бы эту землю к севу готовить, а вместо пшеницы драконьими зубами взойдут на ней мечи да стрелы. И пусть пошатнется трон, но останется ли кто, способный возрадоваться этакой победе? – Всем хорош. Вот только какого он роду? Уж извини, но стар я для сказок. И знать желаю, что за кровь в его жилах течет. Не гнилая ли? Не порченная? Не оттого ли не говорит твой жених о предках, что стыдится их?

Молчал кёниг. И замерли Советники.

– Ты просишь, чтоб отдал я дочь... но кому? Сегодня удача с ним, а завтра уже и нет. Сегодня он сыплет золотом, а завтра медью побираться станет. Сегодня силен, а завтра – кто знает? И только прошлое может сказать, каким будущее станет.

Правду говорил Ерхо Ину. И Янгхаар, до того часа стоявший неподвижно, тряхнул головой. Шаг он сделал, из тени трона выбираясь.

Расступились перед хозяином аккаи. А он заглянул в синие глаза Ерхо Ину, который, усмехнувшись, продолжал:

– И как мне отдать единственную дочь за пса безродного? Да говорят, еще и бешеного.

Ударом ответил на слова Янгхаар. Не сталью – кулаком. Пошатнулся Тридуба, но устоял. Сплюнул кровь, вытер нос и поинтересовался:

– Неужто это все, на что способен славный Янгар?

Собственный его удар мог бы череп быку проломить, да только ушел Янгар, перехватив руку Тридуба. Вывернул так, что затрещали кости. На колени поставить хотел Ину.

Устоял Тридуба. И отступить не отступил, стряхнул Янгара и, подмяв под себя, сдавил.

Я знаю, что отец мачту переломить способен. Но Янгар оказался крепче мачты.

– Крепкий, песий сын! – Ерхо Ину потрогал поясницу. – И верткий, что блоха.

Это было почти похвалой.

Как бы там ни было, но двое сцепились у подножия трона, силясь друг друга одолеть. Молод был Янгхаар, но ярость его ослепляла. Стар был Ерхо Ину, но еще силен безмерно.

Кто победил бы?

Как знать.

– Хватит! – крикнул Вилхо, и голос его был полон силы. – Оба уйдите с глаз долой! Нет... Стой. Ты, Янгар, готовься к свадьбе. Быть ей через три месяца. А ты, Ерхо, подумай еще раз. Отдай за Янгара свою дочь. А не отдашь... Не будет войны, но не будет и мира. Пока же мы не желаем видеть ни тебя, ни сыновей твоих, никого из рода Ину.

Пришлось Ерхо Ину покинуть Олений город.

А вскоре узнал он, что закрыты отныне гавани для кораблей рода, как закрыты города и села Вилхо для торговли с Ину, как заперты солончаки и шахты с черным жирным углем, который подвозили к кузням Ину, как многое иное, бывшее обыкновенным, вдруг стало недоступно.

– Дочь... – Ерхо Ину смотрел на меня с усмешкой. – Кёниг при всех приказал отдать Янгару мою дочь. И я исполню повеление.

Он огладил косматую бороду, в которой застряли зеленые табачные крошки.

Верно, в тот миг Тридуба радовался, что никто в Оленьем городе не знает правды: у Ерхо Ину две дочери. И одну из них не жаль.

Глава 4

Предсказания

Богат был дом Янгхаара Каапо.

Стоял он на холме, окруженный частоколом. О четырех высоких башнях, о восьми окнах по каждой стороне. Забраны были окна не бычьими пузырями, не слюдой, но стеклом разноцветным. И мастера, привезенные из-за моря, выкладывали из стекла этого целые картины. Вот шагает бельмоглазая Акку, серпом своим бури рассекая, и синие снега ложатся под босые ее ноги. Вот летит за нею на черном волке грозный Укконен Туули с мешком, молний полным. Вот тянет к небесам руки девушка, ветра растрепали темные косы, и бледное лицо мертво, лишь глаза пылают ярко. Вот уже двое стоят, окруженные бурей...

Хороши были мастера у Черного Янгара, и многие желали бы выкупить, немалые деньги предлагали. Да только что Янгару золото? Не продал он умельцев, посмеялся только, бросил небрежно:

– Сами себе отыщите!

Гордость его снедала. И она же открывала двери дома гостям, которых в глубине души Янгар презирал. Пусть приходят, пусть увидят, как живет тот, кого все они считают выскочкой да оборванцем.

Из драгоценного белого мрамора сделаны полы, укрыты пышными восточными коврами, которые мягче меха, и самими мехами. Да не дешевыми куньими или лисьими, не тяжелыми медвежьими шкурами, но самыми что ни на есть дорогими – соболиными да песцовыми.

Ходит по ним Янгхаар, не жалеет.

В доме его стены, снаружи камнем обложенные, изнутри выбелены и расписаны картинами. А где нет картин, там драгоценные гобелены висят. Или клинки из узорчатой булатной стали. Блюда чеканные. Бронзовыми решетками плетения хитрого укрыты каминны. И семь кирпичных труб выходят на крышу.

И распахивал Янгар перед гостями сундуки, хвастал золотой да серебряной посудой. Стеклом. Фарфором. Белым моржовым клыком. Расстилал под ноги ткани, одна другой краше, сыпал монеты и жемчуга да выкладывал на подносы горы из камней, будь то огненные лалы или зеленые листовники.

Пусть смотрят.

Пусть завидуют.

Пусть шепчутся о том, что неисчислимы богатства Янгхаара Каапо, а заодно уж вспомнят, как смеялись над ним, не имеющим ничего, помимо клинка да старой кобылы, подаренной Кейсо. Как называли приبلудышем, отворачивались, плевали вслед и пророчили скорую смерть.

Они и те, кто раньше держал его за горло, думая, что удержат.

Выжил Янгар.

Назло людям. Наперекор судьбе. И не только выжил, но взобрался на самую вершину, выше его – только Вилхо Кольцедаритель. Да и, говоря по правде, нет у Вилхо никакой власти. Разве сам он способен клинок в руках удержать? Или сделать хоть что-то без Янгара?

Слаб кёниг.

И на троне сидит до тех пор, пока Янгар этот трон стережет.

Опасными были подобные мысли, однако грели они беспокойное сердце. И Янгар улыбался собственным снам, видя в них Оленью корону на своей голове. Шепот раздавался порой в душе: а что, разве не хороший вышел бы кёниг? Все лучше Вилхо. Пойдут за ним аккаи, а остальные... остальные – смирятся. Несмирившиеся же погибнут.

Велико было искушение.

Но разум говорил, что, позволив опрокинуть трон, не оставят Золотые рода за Янгаром корону. И клятва, им же данная, держала крепко. Нет, не нужен Янгхаару Каапо дворец. У него собственный имеется, куда какой богатый.

Впрочем, сегодня тесно стало Янгару в собственном доме. Зверем метался он, останавливаясь лишь затем, чтобы перевести дух, вспомнить нанесенную обиду, что, подобно удару хлыста, по старым ранам попала.

Пес безродный? Бешеный?

Выскачка?

Поплатится старик за эти слова! Не хочет Янгара зятем видеть? Пускай! Если не переломит гордыню, то лишится всего. Стальным гребнем пройдет Янгар по землям Ину. И выпустит по следу огненных зверей. Осадит Лисий лог, развалит до камня.

И не останется у Тридуба сыновей – всех заберет Янгар.

А дочь, столь дорогую сердцу Ерхо, за косы приволочет в свой дом, только уже не женою законной, но девкой дворовой.

Да, именно так и случится.

И никто, даже сам кёниг, не посмеет встать на пути Янгара.

– Успокоился бы ты уже, – сказал Кейсо, пожалуй, единственный, кого не страшили эти вспышки гнева. – Выпей.

Налил Кейсо не вина, но кобыльего сладкого молока, сдобренного медом, до которого сам был большой охотник. Пронес чашу над огнем, наклонил, жертвуя Небесному Кузнецу его долю, и подал хозяину. И Янгар, опустившись на ковер, скрестил ноги.

Схлынул гнев, и дышать стало легче, будто кто-то разорвал стальные оковы, грудь стянувшие.

– О мести думаешь?

Толстого каама многие полагали слишком неповоротливым, ленивым, а то и вовсе бесполезным созданием. Но знал Янгар, что вряд ли найдется в Оленьем городе боец, равный Кейсо. Что тело его, жиром заплывшее, подвижно, что поступь легка, а обе руки, по-детски мягкие, в перевязках, играючи с клинками управляются.

И не только с клинками.

С Янгаром они тоже умели ладить в те далекие времена, о которых Янгар желал бы забыть.

– О справедливости!

– О мести, малыш, именно о мести, – поправил Кейсо, усмехаясь. И в мутных серых глазах его вновь мелькало нечто такое странное, отчего у Янгара по хребту холодок пополз.

Хотел огрызнуться, да слова в горле застряли.

– Нет в мести пользы ни для тела, ни для духа. – Зачерпнув горсть лесных орешков, Кейсо кинул их в рот. Зубы он имел крупные, белые и клыки подпиливал по старому обычаю каамов. – Или эта девчонка забрала твое сердце?

Фыркнул Янгар: его сердце было с ним, с ним и останется.

– Да я ее не видел ни разу, – признался он.

Крепко стерег Ерхо Ину единственную дочь. И двери его дома редко открывались перед гостями. Стоит ли говорить, что Янгара среди этих гостей не было?

– Говорят, она красива. – Кейсо зажмурился.

Он был охоч до женского полу, едва ли не больше, чем до кобыльего молока. И женщины его любили, чего Янгар никак не мог понять. Невысок был Кейсо. Не так уж и молод – еще в ту, далекую первую встречу показался он Янгару седым стариком. Толст был до того, что все тело покрывали складки жира, на затылке и то они имелись. Каам брил голову, оставляя на макушке тонкий хвост волос, подрисовывал брови синей краской, а губы – красной. И пахло от него цветами.

Над кем другим посмеялся бы Янгар, но Кейсо... Пожалуй, во всем мире не нашлось бы человека ближе. Только ему Янгар в том не признается.

– Правда, – добавил Кейсо, оглаживая массивный свой живот, – не всему, что говорят, верить можно. Не удивлюсь, если девица окажется обыкновенной. А то и вовсе уродливой. Зачем она тебе?

– Затем, что она дочь Ину.

Гордеца Ину, который до сих пор смотрел на Янгара, словно тот был слугой, а то и вовсе – невольником.

Знал?

Нет.

И не догадывался даже, потому как в ином случае не стал бы молчать, выплюнул бы правду в глаза, да с насмешкой. Нет, другое тут. По краю ходил Ерхо Ину, сам не понимая, до чего близок к правде. И виделось во взгляде Тридуба этакое безгливое пренебрежение, но вместе с тем и понимание: дескать, и невольники полезными могут быть. А что балует Янгара хозяин, так то его, хозяйское, дело.

Тряхнул Янгар головой, и тяжело зазвенело серебро, в косы вплетенное.

Как цепи.

Тяжелыми вдруг стали браслеты на руках, и старые шрамы дернуло призрачной болью.

Приподнялся Кейсо с подушек, обеспокоенный, заглянул в глаза, но Янгар отмахнулся: в порядке он. И с памятью как-нибудь сам управится.

– Скажи, мальчик мой, готов ли ты ради мести себе хомут на шею повесить? – Кейсо теребил бороденку, узкую и серую, как мышинный хвост. – Да на всю жизнь?

Хомуты бывают тяжелыми, особенно если свинцовых пластин навесить.

Нет больше того хомута.

И нет Хазмата.

И нет Янгу Северянина, сгинул он в песках Великой пустыни.

– Какой хомут? – разлепив слипшиеся вдруг губы, спросил Янгар.

– Жену. – Каам вновь откинулся на подушки, почти раздавив их немалым своим весом. – Месть уйдет, жена останется. Еще раз говорю: подумай хорошенько, малыш. Легко связать нити судеб, да разорвать не выйдет.

Жена... о ней-то Янгар не особо задумывался. Да и к чему? Будет девчонка покорна – будет ей счастье. А нет, так как-нибудь да управится Черный Янгар с женскими капризами. Небось быстро поймет прекрасноокая Пиркко, что здесь ей – не отчий дом.

И вновь рассмеялся Кейсо:

– О дурном думаешь, мальчик мой. Женщину силой брать что воду пороть. Кроме брызг да обид, ничего не будет.

Каам перевернулся на спину. Сложив руки на животе, он разглядывал резной потолок, украшенный завитушками и звериными мордами, золоченый, богатый. И говорить не спешил. Но ждал Янгар, перебирал бусины нефритовых четок, на рунах камней пытаюсь угадать будущее. Никогда-то не выходило. Да и теперь все больше выпадали двойные копыя: «судьба», полумесяц «сердца» и предупреждением перекрещенные серпы. «Война».

– Ей твоих детей носить, – наконец вымолвил Кейсо. – Ей их кормить. Ей первые песни петь. И как знать, что услышат твои дети от матери? Нельзя обижать жену, Янгар. Нельзя недооценивать воду. Один раз поверху пройдешь, а в другой, глядишь, и омут под ногами раскроется.

Была в его словах правда. И глядишь, отступился бы Янгар, но...

...представил он, что вернется Ерхо Ину в Олений город, пусть не этим летом, так следующим – не умеет кёниг долго гневаться. Да и Тридуба умен, пошлет гонцов, поклонится Вилхо золотом, напишет письмо покаянное и прощен будет.

А прощенный, станет глядеть на давнего врага с насмешкой – мол, знай свое место.

Зубы свело от злости.

Не бывать такому!

И все же...

Не хлыст, так мед.

Девчонке всего-то пятнадцать зим.

Она красива? Пускай. Но и Янгар собою недурен.

Разве бывает пустой и холодной его постель? Разве приходится ему покупать невольниц, чтобы согреть ее? Разве те, на кого обратит он взор, страдают?

Он силен. Неутомим. Щедр. И знает, как обходиться с женщинами, чтобы глаза их загорались ярко. Неужто не справится? Ночь пройдет, или две, или десять, но позабудет Пиркко о ненависти, полюбит мужа всем сердцем, а значит, и бояться нечего.

– Я... – Столько лет прошло, но так и не научился Янгхаар выдерживать пристальный взгляд каама. Все чудилось – увидит Кейсо больше, чем дозволено, в самую муть души нырнет, туда, куда Янгар и сам заглядывать опасался. – Я буду хорошо с ней обращаться. Куплю ей все, чего она захочет. Украшения... много украшений.

Целую комнату, на полках которой стоят шкатулки. Деревянные ларцы. И каменные. Маленькие и большие. Украшенные чеканными накладками.

Запертые.

И ключи от них на поясе...

Чьем?

Воспоминание ускользнуло, ослепив блеском драгоценных камней на руках женщины, лицо которой Янгару было знакомо. И непонятная боль сдавила горло. Янгар поднял руки, ощупывая шею. Чистая. Давно уже нет ошейника, и красная полоса, след от него, затянулась. А кобылье молоко смыло горечь.

С памятью порой творилось странное. Или сегодня день был таков, что прошлое норовило выползти?

– Не передумаешь? – Кейсо глядел поверх чаши. – Нет. Вот же упрямец. Дурное ты задумал, малыш. Мне не веришь, так у богов спроси.

И этот совет был мудрым.

Утром, едва дождавшись, когда первые солнечные лучи пройдут сквозь разноцветную преграду витражей, поднялся Янгар. Умылся он ледяной водой и, распустив косы, сам рисовал на коже узоры желтою охрой. Еще накануне выбрал он золотое блюдо, желтыми камнями украшенное, и наполнил его пророщенной пшеницей. Нес бережно, страшась уронить хоть зернышко. И, выйдя во двор, преклонил колени перед солнцем.

На белый камень поставил Янгар свою ношу и, вытащив кинжал, разрезал ладонь. Кровью окропил пшеницу и ею же нарисовал три руны.

Волны «Ожидания».

Петлю «Надежды».

И летящую птицу «Молитвы».

Кровью же вымазал губы, а раненую руку к земле приложил, отдавая вековечную дань. И тотчас ветер коснулся обнаженного тела, развеял пряди, прошелся по спине. И показалось: смотрит.

Приняли его боги Севера.

В отличие от людей.

– Мать всего сущего, – онемели губы, и собственная кровь казалась кислой, – скажи, что мне делать? Стоит ли брать в жены дочь Ерхо Ину?

Зазвенело золото, рассыпалась пшеница, складываясь узорами. И вновь знакомые руны.

Женщина.

Предательство, повторенное дважды.

Потеря.

Война.

Потянулся было Янгар к рисунку, но ветер стер его, спеша вычертить иной.

Находка. Сломанный меч.

Возрождение.

Долго стоял на коленях Янгар, умоляя богов истолковать волю. Один вопрос и два ответа. А Кейсо, мудрец Кейсо, который славился своим умением руны читать, лишь руками развел да повторил:

– Отступись.

Быть может, Янгар и послушал бы совета, но постучал в двери дома-крепости взмыленный гонец. Трех лошадей загнал и себя едва ли не до смерти. Говорить уже не мог, лишь мотал головой да шапкой высокой по лбу елозил, пот вытирая.

Янгару же протянул кожаную тубу, трижды белой лентой перевитую. И круглая сургучная печать с оттиском оскаленной медвежьей морды без слов говорила, откуда прибыл посланец.

В тубе обнаружился пергаментный лист.

И трижды прочитал Янгар письмо, чувствуя, как вскипает кровь. Победил! Одолел упрямого Ерхо Ину. На колени поставил весь род его.

– Посмотри! – кинул он письмо Кейсо. – Быть по-моему!

Вот только каам, скользнув взглядом по посланию, ничуть не обрадовался.
Сказал тихо:

– Женщина. Предательство. Дважды предательство, Янгар. Потеря. Война.
Вспомни, о чем предупреждали боги.

– Мой хозяин, – гонец обрел-таки дар речи, – желал бы получить ответ.

Женщина. Предательство. Потеря. Война.

И после – сломанный меч. Возрождение.

Туманный предсказания хозяйки сущего, но...

– Передай... – Янгар облизал пересохшие вдруг губы. Нет, не отступит он.
Судьба? Что ж, и судьбы не убоится Янгар Черный. Сколько раз ему случалось
переписывать ее начисто. – Передай своему хозяину, что я согласен. Быть
свадьбе.

Только вздохнул каам.

Но ему ли спорить с тем, кого и боги остановить не сумели?

Глава 5

Преддверие

Свадьба.

Говорят, что у истока времен в мире не было ничего, кроме самого мира, сделанного из чистого золота. И был этот мир столь тяжел, что однажды под собственной тяжестью разломился пополам. Так появились первые боги. А когда они взглянули друг на друга и взялись за руки, то мир возник вновь. Он был и прежним, и иным. В этом новом мире всему сущему была определена его

половина.

Свадьба.

Говорят, сколько людей, столько нитей в корзине безумной пряжи Кеннике. Слепа она и нити наугад сплетает, привязывая человека к человеку. Когда удачно, когда нет. Оттого перед свадьбой спешат люди с поклонами к жрецам Кеннике, несут корзины с легкой шерстью, с пряжей, с перламутровыми раковинами, с бронзой или серебром, дарами селятся задобрить безумицу. А некоторые, кто взыскует особой милости богини и желает, чтобы прочна была связь, неразрывна, спускаются в подземелья храма. Там, в кромешной тьме, исчезают имена и лица, но остаются лишь мужчина и женщина. И нет прочнее связи, чем та, которая возникает меж ними.

Свадьба, говорят... многое говорят, а где правда – я не знаю.

Свадьба.

Четыре дня пути. И свадебный поезд роскошен.

Громогласные глашатаи криком и ревом труб возвещают о его приближении. И три дюжины отборной отцовской стражи берегут покой невесты. Ползут за возком повозки, доверху солью груженные, сундуками, в которых и серебряные бруски, и золотой песок, и меха, и наряды...

Ерхо Ину спешит показать: ничего не жаль ему для любимой дочери.

Достойно войдет она в мужнин дом.

Возок плывет мягко. Покачивается, убаюкивая. И двери его заперты снаружи. А я, завернувшись в плащ с лисьим подбоем, улыбаюсь собственным мыслям, безумным, как и подобает тем, которые милы Кеннике.

Сколько раз мечтала я прокатиться на этом возке. Примерить нарядные сапожки. И платье, пусть самое плохонькое из тех, которые носила моя сестрица. Сколько раз представляла на своих руках ее перстни и ощущала тяжесть браслетов.

И вправду тяжелы, что оковы, рук не поднять.

Вскидываю, но не слышу радостного звона, который был в моих мечтах. Трогаю пальцами монеты ожерелья, пересчитываю, но никак не сосчитаю.

Скоро уже, Аану, скоро...

Скрипят колеса, давят сухие придорожные травы, оставляют на песке след, который вскоре затеряется среди других следов. Сотрут его подковы, затопчут сапоги стражи. И отцовская нога печатью запечатает. Ерхо Ину, как и положено обычаем, сам возглавил поезд. Стоит выглянуть в окно, прозрачным стеклом забранное, и увижу его спину, и алый плащ, стекающий с плеча, и руку, что лежит на поясе, расшитом серебряными бляхами.

И плеть в руке...

Но будущего я страшусь сильнее, чем плети.

Беги, Аану!

Куда?

Куда глаза глядят. Дождись ночи, выскользни тенью, как делала уже в Лисьем лого. Что стоит раствориться тени среди иных теней? Их множество в лесу.

Беги, быстро беги. От отца.

От братьев, которые кинутся по следу, даром что стерегут тебя так, будто ты и в самом деле любимая сестрица. Они стали добры. Им пришлось по нраву отцовская затея.

Сбегу.

Я давала себе слово каждый вечер, но поезд останавливался, и мой возок окружали костры, а лес, такой близкий, уже не казался надежным прибежищем. Напротив, разум твердил иное.

Куда бежать, Аану?

От кого?

От отца? От родичей? От будущего мужа? Ты еще не встретила его, а уже дрожишь, точно вовсе нет в тебе крови Ину. Да и кем будешь ты там, в большом мире, который и видела-то издали. Разве сумеешь выжить одна? Или же сгинешь в лесу, в том самом, который мнишь спасением? Там звери.

А за лесом – люди. И будут ли они добры к безродной чужачке?

Я отступала.

Быть покорной дочерью? Что может быть проще. Я ведь привыкла. И братья, в первые дни пути не отходившие от меня ни на шаг – видно, чуяли мое настроение, – утратили прежнее рвение. Теперь меня оставляли одну, пусть ненадолго. И это одиночество само по себе было подарком.

В какой-то момент я и вовсе смирилась.

Янггар меня не убьет, побоится вызвать гнев богов, разорвать недавно сотворенную нить. А остальное... Стоит ли печалиться о том, что еще не случилось?

Мы остановились в дне пути от усадьбы Янгхаара Каапо. И старший из братьев, красавец Олли, отправился к жениху с серебряной шкатулкой, в которой лежал крупный алмаз.

Я знала, что Янгхаар – или хвастаясь собственным богатством, или желая замириться с отцом, показывая, что не столь уж никчемный, – прислал в дар невесте огненный лал величиной с перепелиное яйцо. И что камень этот был цвета крови, чистоты необыкновенной. Ни за одну невесту не давали подобного откупа.

Я видела этот камень, держала на ладони, любуясь, не смея коснуться. Отец же, которому мое восхищение пришлось не по нраву, подхватил лал двумя пальцами, поднял над головой. И камень, поймав солнечный луч, полыхнул

гневно.

– Выбрось, – велел отец и, словно опасаясь, что я не подчинюсь этому приказу, сам подошел к окну...

...а после велел принести ларец с камнями и долго, придирчиво выбирал достойный.

Ерхо Ину знал, как оскорбить подарком, и сейчас, глядя вслед Олли, усмехался да бороду поглаживал.

– Завтра... – Тридуба наконец соизволил заговорить со мной. Он сидел на коне, подпирая рукой бок, и знакомая плеть ласкала конскую шкуру. Жеребец прядал ушами, косил на плеть, на меня, грыз удила, и клочья белой пены падали на траву. – Завтра ты станешь женой этого пса...

Отец бросил поводья конюшему и спешил, не дожидаясь, пока скамеечку поднесут.

– Идем.

У его шатра костер горел ярко. И слуга тотчас подал чашу с горячим медом, которую отец осушил одним глотком. Он вытер усы, крякнул и, глянув на небо, повторил:

– Уже завтра...

Под пологом его шатра царил сумрак, с которым не справлялись восковые свечи.

– Помоги. – Он повернулся ко мне и молча стоял, пока я боролась с фибулой. Застежка была тугой, а пальцы неуклюжими. Но в кои-то веки отец не проявлял недовольства моей медлительностью. Вот что-то щелкнуло, и золотой медведь выпустил плотную ткань. Я успела подхватить плащ, прежде чем он коснулся ковра.

– Туда положи. – Отец указал на легкий дорожный сундук. – И сядь. Слушай.

Он смерил меня внимательным взглядом, упер рукоять плети в широкий свой подбородок, и стало казаться, что из темной его бороды выглядывает гадючий хвост. Я не смела отвести взгляд. Отец вертел рукоять, ременный хвост шевелился, и гадюка грозила выпасть из волосяного гнезда бороды.

– Завтра ты войдешь в храм. Я хорошо заплатил жрицам. Обряд будет проведен по всем правилам. – Ерхо Ину говорил медленно, выверяя каждое слово. – Он и вправду получит мою дочь.

– Да, отец.

Мой ответ не требовался. Но молчание его разозлило бы.

– Вы проведете вместе ночь. А утром...

...утром Черный Янггар узнает, что ему подсунули не ту невесту. Вот только разорвать узы, наложенные жрицами Кеннике, будет невозможно.

– Утром ты передашь ему, что Ерхо Ину не прощает обид. И не боится псов. Даже бешеных.

Для чего?

Янгхаар Каапо и так будет вне себя от гнева.

– Передашь. – Рукоять плети уперлась в шею. – Ты ведь послушная дочь. И все сделаешь правильно.

Его улыбка была такой ласковой, что я кивнула.

Передам... возможно.

Если доживу до утра.

Олли возвращается ближе к полуночи и с поклоном протягивает отцу резной сундук, доверху наполненный топазами. Но Ерхо Ину не удивить камнями, он

зачерпывает горсть, разглядывает, а затем бросает топазы в заросли бересклета.

– Утопи, – велит он.

И я знаю, что Олли не посмеет перечить.

Мне жаль камни, они ни в чем не виноваты. И мужа будущего жаль. И себя. Поэтому, когда в сумраке вдруг окликается кукушка, серая странница, которую многие почитают вестницей Кеннике, я спрашиваю шепотом:

– Скажи, сколько лет я буду жить счастливо?

Жду ответа. А его нет... Наверное, и боги не желают заступать дорогу отцу.

Мы выступаем с рассветом. Отец сам осматривает мой наряд. Пусть свадьбы этой он не желает, но не позволит мне ее испортить своей неаккуратностью. К счастью, Ерхо Ину остается доволен.

Меня усаживают на спину белой кобылицы, из той дюжины, которую прислал Янгар для невесты – а отец отдался вороными, жеребыми, – и набрасывают на волосы алый покров. Кобылицу ведет Олли, и он не торопится, я же, обеими руками вцепившись в лук седла, считаю шаги под перезвон серебряных колокольчиков. Мир темен.

А будущее и того темнее.

Мы идем долго... наверное, долго. Так мне кажется, однако, когда останавливаемся и меня снимают с кобылицы, а покров – с меня, я вижу, что солнце еще не добралось до вершины елей.

На поляне, очерченной круглыми камнями, нас ждали.

– Вот моя дочь. – Отец отступает за спину, и я оказываюсь лицом к лицу с человеком в синем парчовом халате. Халат расшит журавлями, а человек столь толст, что мне удивительно, как он вообще способен стоять. Шарообразная его голова лыса, а лицо сплюснуто. И я смотрю снизу вверх, отмечая странные

вывернутые наружу ноздри и лестницу из подбородков, пухлые щеки, которые по-детски розовы. Его глаза – узкие щелочки меж припухших век, синей краской подведенных, а губы, напротив, выпячены, и с нижней свисают три серьги.

Нет, это не Янгхаар Каапо, но кто-то достаточно близкий, чтобы доверить ему столь важное дело, как смотрины невесты. И человек разглядывает меня столь же внимательно, как и я его. Губы разлипаются, выпуская розовый язык, который трогает то одну серьгу, то другую.

И в этом мне видится сомнение.

Человек, кем бы он ни был, не верит отцу.

– Зачем? – Он вытягивает руку, почти касаясь моей щеки.

– Традиции, – бросает Ерхо Ину, глядя в сторону. И губы его кривятся презрительно. – Ты чужак.

Верно. Почему я сразу не поняла? Наверное, потому, что была слишком напугана.

Чужак.

И потому столь странен.

А традиции... Что ж, традиции помогали отцу, в чем тот увидел знак свыше. Сами боги желают покарать наглеца, пусть и руками Ерхо Ину.

– Традиции, – задумчиво повторил чужак, вновь тревожа серьгу с синим камнем. – У вас интересные традиции. Удобные.

Это было произнесено с насмешкой.

Но что смешного? Все знают, что кривоногий вдовец Кайшари, бог подземных источников, пребывает в вечном поиске. Опостылело ему вдовство. И пусты водяные чертоги. Вот и желает Кайшари новую жену отыскать. Оборачивается он – когда галкой, у которой меж черных перьев три белых есть, когда котом с

желтыми глазами, а когда и вовсе человеком. Ходит меж людьми, особенно свадьбы любит, думая, что среди чужих невест отыщет собственную.

Сколько уже украл? Кому ведомо?

Сунет Кайшари девице зеркало из мертвой воды, глянет глупая и вмиг окажется под землю.

Оттого и разрисовывают невестам лица.

Мое лицо покрывал толстый слой белой глины. И старуха, нанятая отцом в ближайшей деревне, наносила охранные руны. Плотный шерстяной платок лежал на волосах, серебряным венцом придавленный. И семью семь серебряных бусин свисали с него на длинных нитях преградой от дурного слова и глаза завистливого.

Но не в традициях дело, а во взгляде толстяка, внимательном, чуть насмешливом, словно бы дано было этому человеку видеть больше, нежели прочим. И я взмолилась богам, чтобы он увидел правду.

Пусть вернется.

Пусть расскажет Черному Янгари об обмане.

Пусть разорвет эту нелепую, еще не связанную нить, пока не поздно.

Отец будет зол, но я привыкла.

– Скажи, – Ерхо Ину хлопнул плетью по голенищу, – что если ему не по вкусу невеста, то не поздно отступить.

– Ты сам знаешь, – в голосе толстяка прозвучал укор, – что Янгари не отступит.

Ерхо Ину кивнул.

Знает.

И надеется.

Что он задумал?

И как быть мне? Я ведь могу предупредить. Сейчас. Всего два слова, и толстяк поймет. Он уже почти понял, но отчего-то продолжает притворяться обманутым.

А отец... он не простит предательства.

Черная плеть громко хлопнула по голенищу, подтверждая, что не будет мне пощады, вышвырнет из дому? Запорет? Продаст? В этот миг я поняла, что боюсь отца куда сильнее, нежели чужака и Черного Янгара.

– Зачем тебе война? – Толстяк задумчиво касается кончиком языка серьги, с которой свисает крохотный колокольчик. – В мире жить надо.

– И разве я не показал, что готов к миру? – Ерхо Ину кладет ладонь на мое плечо.

Тяжела она.

И толстяк кивает, смиряясь с неизбежным. От этого кивка все тело его приходит в движение, и колышутся жировые складки, шевелится шелк, и золотые журавли, вышитые на нем, кружатся в танце, хлопают крыльями.

– Что ты скажешь Янгару? – Снова щелкает плеть о голенище сапога, и я вздрагиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/karina-demina/chernyy-yangar>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)